

«...ВСЕ ЕЛКИ НА СВЕТЕ, ВСЕ СНЫ ДЕТВОРЫ»

А будем ли праздновать Рождество? Этот праздник для русского общества традиционный, незаметно вышел из подполья и стал государственным.

Мы рады этому. Это хорошо.

Мы слишком долго жили в атмосфере нетерпимости к религии, что постоянно вызывало мощное противодействие. А сегодня? Целительно ли скажется воспитание в религиозном духе на общей нравственности?..

Мы мечтаем о торжестве социальной терпимости. Каждый волен, предполагает свобода совести, сформировать свое мировоззрение. Без принуждения. Без насилия. Моя мать, детство которой прошло в 1910-е годы, вспоминала, что в раннем возрасте ее учили молиться — до тех пор, пока об этом не узнал отец и не запретил: он считал, что вопрос о существовании Бога должен решать для себя сам человек, уже будучи взрослым.

Дитя бессмертно даже вне религии. Бессмертно, потому что не знает о смерти. Но время неведения проходит быстро. Что же дальше?

В один из ноябрьских дней 20-го года Пришвин записал в дневнике:

«— А ти есть Бог, Михаил Михайлович?

— Спроси,— говорю,— своих родителей.

— А я спрашивал.

— Ну?

— Матка говорит, есть, а батька — нетути. Как вы скажете?

— Скажу,— отвечаю,— тебе «есть Бог!», ты мне не поверишь, скажу «нет!» — будет неправда. Учись и узнаешь сам».

Но — не учились... И до того дошло, что «БОГ» стал татуировкой преступного подростка и означает не Христос (Будда, Магомет), а «Был Осужден Государством». Ну разве это не ужасно? Чтобы свободная совесть выбирала, не обойтись без просвещения. В том числе религиозного.

Праздник — ненавязчивое просвещение.

1992 года назад, 25 декабря минувшего года по старому стилю, 7 января — по новому,— по библейской легенде, оспаривать которую не станем, не место и не случай, родился (Рождество значит рождение) Иисус, впоследствии названный также Христос.

Греческое Христос буквально означает помазанник, то есть монарх, над которым совершен обряд помазания на царство.

С Рождества Христова началось новое время. Новое летосчисление. С этим величайшим событием, как писал Борис Пастернак в стихотворении «Рождественская звезда», связаны «все мысли веков, все мечты, все миры». В том числе мысли о социальной справедливости, мечты о бессмертии. «Все будущее галерей и музеев». То есть искусство. «Все елки на свете, все сны детворы». Это уже про сам праздник, такой долгожданный, прекрасный. В него всегда вовлечены дети. Они ждут подарков, веселья...

В день Рождества устраивают «Вертепы»: фигурки Богоматери и младенца Иисуса. Или их изображения. «Вертепы» ставят под елку. Чтобы все помнили о Спасителе — через которого к нам со словами добра и правды обратился таинственный Создатель Вселенной...

Верующие заранее готовятся к великому событию Рождества Христова сорокадневным рождественским, или филипповым, постом; в день, предшествующий празднику, особенно строго постятся, едят сочиво — пшеницу с медом; отсюда название этого дня — сочельник.

Для русской Церкви в празднике есть особый, патриотический оттенок. В 1812 году, почти накануне Рождества, Михаил Илларионович Кутузов, главнокомандующий всеми действующими армиями, поздравил войска с изгнанием врага из пределов России и призвал «довершить поражение неприятеля на собственных полях его»; и церковь в Рождество не забывает напомнить «об избавлении нашего отечества от галлов и с ними двунадесяти языков в 1812 году», о бессмертном подвиге русского народа.

Обычай устраивать под вифлеемской звездой елку прижился в России с эпохи Петра Великого. Естественно, только у господ. Крестьянские дети лишь мечтали о елке: «Вот бы нам такую елку! И сочельник недалек — только что это за елка, мне все как-то невдомек?» (Яков Полонский, «Елка», 1873). В советское время, правда не сразу, с середины 30-х, рождественские елки чудесным образом превратились в новогодние; это был, после полного запрета, некий компромисс властей с религией; вместо вифлеемской на елку прилаживали пятиконечную звезду. Как быть сегодня? Решите сами.

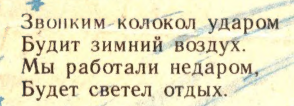
Рождество — праздник верующих в Христа, всех, чтущих давнюю традицию. Ожидание счастья, добра, мира. Домашнего согласия и тепла. Единства семьи. Таковы мотивы и публикуемых ниже стихов, которые могут придать нашему празднику свежесть.

А будем ли праздновать Рождество? Будем! Уже празднуем!

Владимир Приходько

Александр БЛОК

РОЖДЕСТВО



Звонким колокол ударом
Будит зимний воздух.
Мы работали недаром,
Будет светел отдых.

Серебрится легкий иней
Около подъезда.
Серебристые на синей,
Ясной тверди звезды.

Как прозрачен, белоснежен
Блеск узорных окон!
Как пушист и мягок, нежен
Золотой твой локон!

Как тонка ты в красной шубке,
С бантиком в косице!
Засмеешься — вздрогнут губки,
Задрожат ресницы.

Веселишь ты всех прохожих —
Молодых и старых,
Некрасивых и пригожих,
Толстых и поджарых.

Подивятся, улыбнутся,
Поплетутся дале,
Будто вовсе, как смеются
Дети, не видали.

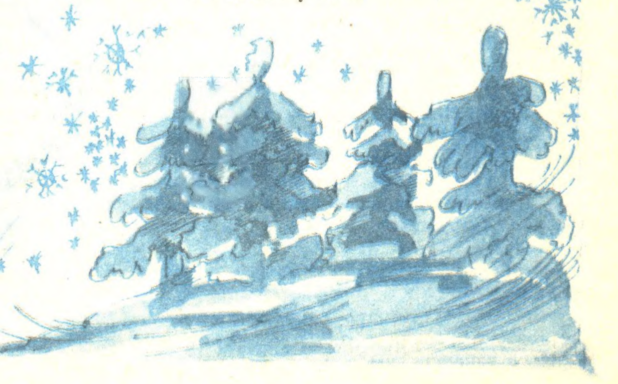
И пойдешь ты дальше с мамой
Покупать игрушки
И рассматривать за рамой
Звезды и хлопушки...

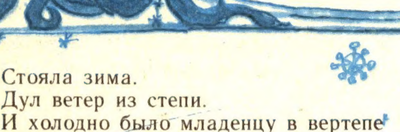
Сестры куклам будут рады,
Братья просят пушек,
А тебе совсем не надо
Никаких игрушек.

Ты сама нарядишь елку
В звезды золотые
И привяжешь к ветке колкой
Яблоки большие.

Ты на елку бусы кинешь,
Золотые нити.
Ветки крепкие раздвинешь,
Крикнешь: «Посмотрите!»

Крикнешь ты, поднимешь ветку
Тонкими руками...
А уж там смеется дедка
С белыми усами!





БОРИС ПАСТЕРНАК

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ЗВЕЗДА

Стояла зима.
Дул ветер из степи.
И холодно было младенцу в вертепе
На склоне холма.

Его согревало дыханье вола.
Домашние звери
Стояли в пещере,
Над яслями теплая дымка плыла.

Доху отряхнув от постельной трухи
И зернышек проса,
Смотрели с утеса
Спросонья в полночную даль пастухи.

Вдали было поле в снегу и погост,
Ограды, надгробья,
Оглобля в сугробе
И небо над кладбищем, полное звезд.

А рядом, неведомая перед тем,
Застенчивей плошки
В оконце сторожки
Мерцала звезда по пути в Вифлеем.

Она пламенела, как стог, в стороне
От неба и Бога,
Как отблеск поджога,
Как хутор в огне и пожар на гумне.

Она возвышалась горящей скирдой
Соломы и сена
Средь целой вселенной,
Встревоженной этою новой звездой.

Растущее зарево рдело над ней
И значило что-то,
И три звездочета
Спешили на зов небывалых огней.

За ними везли на верблюдах дары.
И ослики в сбруе, один малорослей
Другого, шажками спускались с горы.

И странным виденьем грядущей поры
Вставало вдали все пришедшее после.
Все мысли веков, все мечты, все миры,
Все будущее галерей и музеев,
Все шалости фей, все дела чародеев,
Все елки на свете, все сны детворы.

Весь трепет затепленных свечек, все цепи,
Все великолепье цветной мишуры...
...Все злей и свирепей дул ветер из степи...
...Все яблоки, все золотые шары.

Часть пруда скрывали верхушки ольхи,
Но часть было видно отлично отсюда
Сквозь гнезда грачей и деревьев верхи.
Как шли вдоль запруды ослы и верблюды,
Могли хорошо разглядеть пастухи.
— Пойдемте со всеми, поклонимся чуду,—
Сказали они, запахнув кожухи.

От шарканья по снегу сделалось жарко.
По яркой поляне листами слюды
Вели за хибарку босые следы.
На эти следы, как на пламя огарка,
Ворчали овчарки при свете звезды.

Морозная ночь походила на сказку,
И кто-то с навьюженной снежной гряды
Все время незримо входил в их ряды.
Собаки брели, озираясь с опаской,
И жались к подпаску, и ждали беды.

По той же дороге, чрез эту же местность
Шло несколько ангелов в гуще толпы.
Незримыми делала их бестелесность,
Но шаг оставлял отпечаток стопы.

У камня толпилась орава народу.
Светало. Означились кедров стволы.
— А кто вы такие? — спросила Мария.
— Мы племя пастушье и неба послы,
Пришли вознести вам обоим хвалы.
— Всем вместе нельзя. Подождите у входа.
Средь серой, как пепел, предутренней мглы
Топтались погонщики и овцеводы,
Ругались со всадниками пешеходы,
У выдолбленной водопойной колоды
Ревели верблюды, лягались ослы.

Светало. Рассвет, как пылинки золы,
Последние звезды сметал с небосвода.
И только волхвов из несметного сброда
Впустила Мария в отверстье скалы.

Он спал, весь сияющий, в яслях из дуба.
Как месяца луч в углубленье дупла.
Ему заменяли овчинную шубу
Ослиные губы и ноздри вола.

Стояли в тени, словно в сумраке хлева,
Шептались, едва подбирая слова.
Вдруг кто-то в потемках, немного налево
От яслей рукой отодвинул волхва,
И тот оглянулся: с порога на деву,
Как гостью, смотрела звезда Рождества.

ЛИДИЯ ЧАРСКАЯ

ЗА ЛУЧИСТОЙ ЗВЕЗДОЙ



В ту ночь далекую, когда в степи безбрежной,
В душистой южной мгле, в тиши паслись стада,—
Раздался в небесах звук гимна, тихий, нежный,
И в облаках зажглась лучистая звезда.
Хор светлых ангелов, спускаясь по эфиру,
Тем гимном возвестил, что родился Христос,
Что он всему, всему страдающему миру
С Собой великое прощение принес...
Звезда плыла в ту полночь роковую,
И пастухи за ней в смятенье духа шли;
Их привела она к пещере, в глушь немую,
Где люди Господа рожденного нашли.
С той ночи в небесах, горючая, златая,
Звезда является на небе каждый год
И, сердце трепетом священным зажигая,
К Христу-Спасителю рожденному зовет.

САША ЧЕРНЫЙ

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

Зеленая елка, где твой дом?
— На опушке леса, над тихим холмом.

Зеленая елка, как ты жила?
— Летом зеленела, а зимой спала.

Зеленая елка, кто тебя срубил?
— Маленький, старенький дедушка Памфил.

Зеленая елка, а где он теперь?
— Курит дома трубку и смотрит на дверь.

Зеленая елка, скажи — отчего?
— У него, у дедушки, нету никого.

Зеленая елка, а где его дом?
— На каждой улице, за любым углом...

Зеленая елка, а как его позвать?
— Спросите-ка бабушку, бабушку и мать...

ВЛАДИМИР ПРИХОДЬКО

ВЕСЕЛЫЙ ОГОНЬ

Всей семьею в этот вечер
Соберемся за столом.
Скажет мама:
— Может, свечи
Ради праздника зажжем?

Электричество погасим.
Обойдемся без него.
И торжественно украсим
Общий ужин
В Рождество.

Пусть огонь веселый скачет
Над малиновой свечой,
А подсвечник
Тихо плачет
Стеариновой слезой.



